

Ж.В. НИКОЛАЕВА

*Доцент, кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский государственный университет*

С.А. ТРОИЦКИЙ

*Старший преподаватель, кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский государственный университет*

А.О. ЦАРЕВ

*Аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет*

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗОНАХ КУЛЬТУРНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Данная статья представляет обзор новейших исследовательских направлений в предметной области находящейся на стыке философии городской среды (Philosophy of the City) и исследований зон культурного отчуждения и пограничья (Cultural Exclusion & Border Zones) и освещает состоявшуюся в формате круглого стола встречу между учеными, которые по-разному формулируют свои методологические изыскания.

Междисциплинарный Круглый стол «Проблемы идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды» (в рамках 5-й международной исследовательской конференции «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья – 2018») прошел 5-6 октября 2018 года в стенах Института философии СПбГУ¹. Тематическими направлениями, отобранными для дискуссии, стали: 1) Проблема идентичности в городской среде; 2) Зоны культурного отчуждения в городской среде; 3) Межкультурные исследования устойчивого развития в теориях современной урбанистики; 4) Философия Города. Заявленные проблемные направления привлекли участников из России, Италии, Польши и Германии, что способствовало знакомству с новыми и даже альтернативными позициями. В данном блоке журнала «Studia Culturae»

¹Организаторами являются: Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии (<http://philosophy.spbu.ru>); Российская академия наук, Институт социологии, Центр исследований зон культурного отчуждения и пограничья (<http://socinst.ru/node/558>); Туринский университет, Лаборатория онтологических исследований «Labont», Италия (<https://en.unito.it/> & <https://labont.it/>).

публикуются материалы некоторых выступлений и докладов в виде отдельных статей, а остальные, в том числе и общая дискуссия, а также предполагаемое развитие направлений исследований в дальнейшем – в следующем обзоре.

Ключевые слова: идентичность, городская среда, философские исследования города, герменевтика и феноменология города, зоны культурного отчуждения, спатилистские стратегии.

Исследование проведено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-011-00552), СПбГУ.

Z.V. NIKOLAEVA

*Associate professor, PhD,
Saint Petersburg State University*

S.A. TROITSKIY

*Senior Lecturer, PhD,
Saint-Petersburg State University*

A.O. TSAREV

*Post-graduate student
Saint Petersburg State University*

THE PROBLEM OF IDENTITY IN CULTURAL EXCLUSION ZONES OF THE URBAN ENVIRONMENT

The article that follows presents an overview of the latest research areas in the field where the philosophy of the urban environment and the study of cultural exclusion and border zones overlap. It also reports on a round-table meeting between scholars with differing approaches to formulating their methodological research.

The interdisciplinary round-table «The Problem of Identity in Cultural Exclusion Zones of the Urban Environment» took place on 5-6 October 2018 at the St Petersburg State University Institute of Philosophy as part of the 5th International Scientific Conference «The mechanisms of creating of cultural exclusion zones and borderlands – 2018»¹. The thematic topics selected for discussion were: 1) The problem of identity in the urban environment; 2) Cultural exclusion zones in the urban environment; 3) Cross-cultural research into sustainable development in contemporary urbanistics theory; 4) The

¹St Petersburg State University Institute of Philosophy (<http://philosophy.spbu.ru>); Russian Academy of Sciences Institute of Sociology, the Research Centre for Cultural Exclusion Zones and Borderlands (<http://socinst.ru/ru/node/558>); Turin University «Labont» Laboratory for Ontological Research, Italy (<https://en.unito.it/> & <https://labont.it/>).

Philosophy of the City. The discussion areas drew in participants from Russia, Italy, Poland and Germany, enabling new and even alternative standpoints to be introduced. Materials from some of the speeches and presentations are to be published as separate articles in a section of the periodical «Studia Culturae», while the remaining speeches, including the general discussion, along with proposals for the future development of this field can be found in the following overview.

Keywords: identity, urban environment, urban philosophical studies, cultural exclusion zones, spatial strategies, hermeneutics and phenomenology of cities

The present article is part of a research project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 18-011-00552, SPbSU.

Городская среда и идентичность, рассматриваемые вместе, составляют общий предмет исследовательской деятельности [11]. Взятые вместе, архитектура города и ее рецепция отдельными субъектами придают форму личности, пространству и событиям. Архитектурные объекты, ансамбли, урбанистические решения и даже дизайн интерьеров оказывают на нас стойкое и продолжительное воздействие [9]. Пришло время говорить о том, как проблема идентичности в городской среде актуализируется в исследованиях, использующих новые культур-антропологические подходы и методы. Интеграции новой архитектуры в уже сложившиеся городские агломерации сопутствуют многочисленные интерпретации и глобальное переосмысление городского пространства, что является актуальной философской проблемой. Архитектура города теперь рассматривается как особая часть гиперреальности, судьба которой состоит в постоянном выходе за собственные пределы [12]. Осознание себя и своего фактического места в пространстве происходит как осознание *другого*, и этот *другой* из прошлого (или виртуального будущего) явлен нам в своих телесных расширениях – архитектурной оболочке, размещенной в городском пространстве.

Население планеты, проживающее в городах, превысило половину общей численности и имеет устойчивую тенденцию к росту. Городские жители представляют собою особый культурный тип. Его социопсихологические особенности изучены мало, но очевидно характеризуются определенными маркерами: городскими мифами, кодами памяти, образами, поведенческими нормами, антагонистическими тенденциями, а также многими другими отличительными чертами. Ускорение и мобильность культурной среды города сформировали расплывчатые понятия о городской среде и феномене городских идентичностей. На этапе стремительной урбанизации человечества происходит как отмирание социальных структур, не связанных с городской культурой, так и стихийное формирование зон культурного отчуждения и вытеснения – процесс, названный современными зарубежными исследователями

«геихополитикой»). Вопрос о факторах идентификационной эксклюзии, отчуждении от тех или иных форм взаимодействия, как в социуме, так и в территориально организованных конгломерациях, нельзя признать окончательно исследованным.

Работу круглого стола открыла Тициана Андина, доктор философии, профессор теоретической философии Туринского университета и Руководитель Лаборатории онтологических исследований (LABONT, Турин, Италия).

Круглый стол «Проблемы идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды» был организован с целью представить российскому и зарубежному научному сообществу промежуточные результаты работы над одноименным проектом, который имеет, с одной стороны, определенные основания и предысторию, а с другой, оказывается востребованным в современном гуманитарном знании в своих новых аспектах. Предварительная методология и проблематика проекта была сформирована и отработана в ходе предыдущих тематических конференций¹, посвященных проблемам, связанным с зонами культурного отчуждения и пограничья². Основные результаты этой теоретико-методологической работы изложены в совместной статье Ж. В. Николаевой и С. А. Троицкого, опубликованной в 2018 г. в журнале *Rivista di Estetica* [15].

Работа исследовательской группы показала, что для того, чтобы прояснить идентитарную проблематику в городской среде, необходимо разрешить целый комплекс задач, связанных с обращением к таким общим бинарным понятиям как: центр – периферия, глобальное – локальное, свой – чужой и т. д. В качестве необходимого шага для проведения дальнейших

¹ Международная научная конференция «Механизм формирования зон культурного отчуждения в эпоху тоталитаризма» (9-15 октября 2014 г.); Международная научная конференция «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья в XIX–XX вв.» (22–24 октября 2015 г.); Третья Международная научная конференция «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья -2016» (20–22 октября 2016 г.); Четвертая Международная научная конференция «Механизмы формирования зон культурного отчуждения и пограничья -2017» (25-28 октября 2017 г.).

² В отличие от общеупотребимого в философии и гуманитарных науках понятия «отчуждения», которое может обозначать опредмечивание духа (у Гегеля) или отчуждение от деятельной человеческой жизни, процесса и продуктов труда (в марксизме), принятый нами термин «зоны культурного отчуждения» акцентирован на рассмотрении самих пограничных пространств, вытесняемых из области нормированного и приемлемого. Зоны культурного отчуждения появляются тогда, когда что-то исключается из принятых в культуре установок. В то же время, они всегда оказываются производными от этих норм и могут существовать только в непосредственной близости к ним, иначе их нельзя было бы назвать частью культуры

исследований, С. А. Троицкий указал на необходимость обратиться непосредственно к проблематике зон культурного отчуждения и механизмам их формирования (в частности, к вопросам топографической иерархии), а также выступил с предложением о выработке нового терминологического аппарата, который мог бы быть использован исследователями на общих основаниях. После этого оказалось возможным двигаться далее к таким понятиям, как, например, «социальная инклюзия» или «маргинализация» в топографической (городской) среде. Было замечено, что одним из наименее описанных понятий в этом ряду оказался концепт «границы». Само же понятие *зон культурного отчуждения* (или *исключения*) призвано описать некоторую область, постулируемую социальными институтами, либо существующую в общественной памяти, которая может быть понята, в первую очередь, через собственные *границы*, их изменчивость и условность или напротив – жесткость и неукоснительность, регулируемых обществом и культурой. В этом смысле, «зоны отчуждения» в качестве термина наиболее точно схватывают процесс образования территорий умолчания, забвения и вытеснения. При этом зоны культурного отчуждения подчас указывают как на независимость собственных границ от реального или воображаемого центра, так и на невозможность обнаружения такого центра в принципе.

Динамическое культурное пространство предполагает наличие более обширного культурного контекста – «культурной среды», «ноосферы» или «семиосферы», однако, все эти термины, скорее описывают, но не проясняют имеющиеся зоны отчуждения в культуре и территориальных зонах больших городов. Под философией городской среды мы понимаем не философию созерцания искусственного ландшафта (городского пейзажа), а философию конструирования социальной реальности, в нем находящейся¹. Социология и философия городского пространства, которая начала разрабатываться еще Георгом Зиммелем [3] описывает пространство через рассмотрение иерархии социальных позиций, выраженных в различии расположения мест, занимаемых субъектами согласно своему идентитарному статусу. Заметим, что принятая сегодня²

¹ После Маркса и Ницше любая наука занимается социальным конструированием нового (общества, быта, условий для формирования новой идентичности)

² См.: Исследовательские проекты и публикации сотрудников Центра изучения зон культурного отчуждения и пограничья (ЦИЗКОП) при Социологическом институте Российской академии наук, который специализируется на проведении междисциплинарных исследований процессов, отвечающих за исключение и маргинализацию культурных ценностей и смыслов,

методологическая установка подчеркивает *пространственный* характер отчуждения, при этом зоны исключения представлены не только символическими территориями, находящимися вне нормативного пространства культуры, но и вполне определенными «физически» заброшенными местами: свалками, руинами и т. д. В центре исследовательского внимания оказывается и проблема «теихополитики» (от греч. το τείχος – городская стена, англ. teichopolitics) – современных культурных практик, в ходе которых стираются старые и воздвигаются новые границы, которые расчерчивают городскую среду и формируют как функциональные и смысловые пространства, так и зоны умолчания и забвения. Отдельный интерес составляет изучение таких зон, находящихся на периферии городских центров, или же рассмотрение отдельных «забытых» территорий в качестве пограничных зон.

Вместе с тем, проект исследования проблемы культурного отчуждения в городской среде и связанных с ними идентичностей предполагает обращение к теме культурной и социальной памяти; такой подход акцентирует внимание не только на тех практиках, которые происходят в сфере актуальной культуры, но также к вытесняемому культурному опыту. Исключаемые из культурной памяти городские практики, на первый взгляд, теряющие собственную актуальность, при более внимательном рассмотрении оказываются, вытесненными через сложную и травматичную процедуру, связанную с формированием зон умолчания в общественной памяти, в особые зоны территориальной эксклюзии. Таким образом, некоторые практики действительно исчезают навсегда, но другие могут сохранять потенциал для собственной реактуализации, а также находят (и тому есть примеры) свою топографическую карту повторной инклюзии.

Круглый стол начался с вводного доклада **Жанны Николаевой** (Институт философии СПбГУ, ЦИЗКОП РАН) «**Проблема идентичности в городской среде**», в котором были сформулированы общие терминологические и дисциплинарные ориентиры заявленной в названии круглого стола проблематики.

В последнее десятилетие XX в. ряд новых подходов в социальной теории способствовал отходу от трактовки социальных коалиций (групп) как субстанциональных общностей – носителей определенных идентичностей. Прежде всего, этому способствовал интерес к сетевым формам отношений, которые постоянно утверждают или, в терминах акторно-сетевой теории,

а также на изучении феномена культурного пограничья, как места встречи и зоны взаимодействия различных культурных традиций).

«пересобирают» социальное. Пространство социальной действительности определяется положением субъектов «как они есть», пространство территории с ее семиотическими константами структурирует социальную реальность в ее идеально-типическом аспекте.

Современная онтология города утверждает, что определение любого места (города, локации) строится по формуле Пространство + Идентичность: «Пространство предполагает и предлагает логику визуализации» [6; С. 108.] и логику литературно-мифологического и образного топоса¹.

Несмотря на заявленный автором общетеоретический характер выступления, доклад начался с описания неожиданного опыта пребывания в Москве. В любую эпоху мы прочитываем «свое время» через аналогию с Римом (Градом) – через идею универсального гражданства, открытость, возможность, мечту об интегрировании любого «другого» [4]. Ж. Николаева указала на то, что подавляющее впечатление от российской столицы оказалось столь сильным, что она решила пересмотреть ряд подготовленных для круглого стола тезисов, а также вынести ряд новых тем на обсуждение. В частности, докладчик обратила внимание на имеющееся противоречие между результатами градостроительных задач периода радикальной урбанистики середины прошлого века и актуальным *повседневным* опытом горожан. Николаева, проведя несколько дней в Москве, заявила об имеющемся несоответствии между, казалось бы, ушедшем в прошлое урбанистическим проектом и современной городской жизнью, которая сталкивается с мертвой советской планировкой, но оказывается не в силах ей противостоять. Так частное фланерство автора столкнулось с проблемой урбанистического проекта в целом, а результатом этого столкновения стала постановка новой *теоретико-практической* проблемы, поэтому Николаева в качестве вывода предложила обратиться к критике индустриального градостроительства – тотального (если не тоталитарного) и слепого к динамике актуальной городской среды. Тотальность города состоит в насилии и разъединении, как и тотальность войны. Город как «гостеприимный Другой» разрушает представления о традициях земли и предков. Эммануэль Левинас пытался завершить идею бесконечности связав ее с «гостеприимством Другого»:

¹ Городская периферия, как правило, не связывается с литературно-мифологическим и образным топосом города ни по одному из направлений интеракции центр-окраина. Фактически, речь идет о признании либо непризнании существования Центра. В случае индивидуальных и групповых притязаниях быть «причисленным» к Центру, как и в случае противостояния его сложившейся идентичности (в виде различных протестов) лишь доказывается присутствие определенного («высшего») положения образного историко-мифологического топоса Города.

«...насилие состоит не столько в том, чтобы ранить и уничтожить, сколько в разъединении связанных друг с другом людей, которых принуждают играть чуждые им роли, отказываться от обязательств и даже от собственной сущности, совершать акты, которые разрушали бы самую возможность что-либо делать» [5; С. 7].

Тогда почему население планеты стремилось и продолжает стремиться к переселению в «мета-города» [1]? И не в маленький зеленый рай с городским бассейном, безопасностью и знакомым мэром, а именно в такие разрушающие идентичность и отбирающие ее монстры. Ответ надо искать в другой плоскости: «что не так с идентичностью?» Если бы этот вопрос исследовал Славой Жижек, то используя образы Жака Лакана, он, наверное, разделит бы идентитарные характеристики таких переселенцев на условных Жюльетту и Жюстину. С Жюстиной все более-менее ясно: она стремится в город, потому что там не просматриваются границы, за пределами которых нет больше удовольствий. Сложнее с Жюльеттой. Вечно страдающий, травмированный, но, в целом, опытный и привычный горожанин, – нам знаком этот тип. Именно такой тип склонен не воспринимать город как Ад, данный нам в ощущениях удовольствия, бесконечности, безвременности и нетления, а, наоборот, остро страдая от своей заброшенности за границы конечного, как настоящий поклонник умирания и ограничения, он творит вокруг себя барьеры, окружает свой районный мирок непроходимыми огородами, «зонами отчуждения» с тем, чтобы в них трудно было бы проникнуть Граду в городе. Таким образом, мы ставим проблему в другую плоскость: изначально предзаданные, взаимно реактивные идентитарные типы формируют требования, предъявляемые к жителям недружелюбной средой, или, напротив, демонстрируют притяжение любой внешней формы среды обитания. В этом смысле, закономерен и концептуально обоснован совершенный автором поворот от стройной теории, подобной четкому плану урбанистов прошлого, к описанию живого и, подчас, жертвенного опыта нахождения в городском пространстве, поводом к которому послужил психогеографический метод Ги Дебора.

Выступление **Николы Сидди** (профессора отделения философии, Университет Турина, Италия) «Городская идентичность. Становление»¹ оказалось созвучным заданной исследовательской интенции. По мнению профессора Сидди, до недавнего времени можно было идентифицировать две составляющие города: артефакты (структурные и инфраструктурные) и

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

горожан. Теперь связь между одушевленными и неодушевленными составляющими формирует третий компонент. Актуальная ситуация подразумевает переход от понимания города как суммы социальных объектов к социальной системе. Город подвергается непрерывной трансформации, которая неумолимо изменяет его бытие. Новая троичная целостность города (артефакты + люди + технологии) создает новую социальную идентичность, которая лежит именно в отношениях между отдельными людьми, между людьми и объектами, а также между разными артефактами. Согласно Локку, идентичность личности основана на единстве сознания и на непрерывности памяти, представленной в виде потока становления. Это утверждение с учетом возможных различий относится и к социальной системе города. Здесь сознание является стабилизирующим фактором, а память – археологически стратифицирует обмен товарами, словами, желаниями и воспоминаниями. По словам Лучано Флориди [13; Р. 67], идентичность зависит от контекста, цели и перспективы, в которой она сформулирована: другими словами, она связана с соответствующим интерфейсом – доступным способом взаимодействия. Эта связь создает осязаемую социальную идентичность города, не существовавшую прежде и позволяющую ей автономно реагировать на внешние вызовы, исходящие от людей и объектов. Таким образом коммуникационные технологии стали силами, способными ускорить становление идентичности города, поскольку они способны влиять на реальность посредством нового структурирования окружающей среды.

В новой ситуации все отчетливее вырисовывается проблема обживания динамической и технологичной среды, *обитания* в ней. Обитание становится сложно, подобно Мартину Хайдеггеру, помыслить только как сокровенное *не-деятельное*, но созидательное проживание в месте [14], результатом которого становится появление жилищ вообще и городской архитектуры в частности.

Лишается ли обитание собственной интимности в новом урбанистическом пространстве? Об этом и других этических аспектах современных исследований идентичности в *urban studies* высказался Альберто Пирни (проф. Этики, Высшая Школа св. Анны, Пиза, Италия), в докладе «**Место обитания поколений: право на обновление и обязанность сохранения**»¹. По его мнению, наша эпоха, похоже, неизбежно задает движение по пути к прогрессивной и массивной урбанизации в любой точке земного шара. Фактически, такой путь выявил

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

свою внутреннюю двойственную природу от истоков современных западных явлений урбанизации (даже если ее зрелые формы формируют нашу действительность в формах и на тех уровнях, которые лежат за пределами любых предыдущих ожиданий и анализа): с одной стороны, этот путь встраивается во всепроникающее технологическое развитие, которое, по-видимому, постепенно способно спроектировать и объединить все аспекты общественной жизни; с другой стороны, этот путь неизбежно ориентирован на будущее межкультурное общежитие людей, предполагающее неизбежные пути слияния между культурами и стилями жизни.

Доклад пытается обнаружить этот путь в явлениях, происходящих между поколениями. Причем эти явления двусторонние. С одной стороны, они фиксируют универсальное право на свободный, но общий процесс инновационного и преобразуемого места обитания. С другой стороны, эти явления должны предполагать и культивировать моральный долг сохранять для следующих поколений, насколько это возможно, с точки зрения наследия, места, окружающую среду (-ы) в актуальных контекстах городской социальной жизни.

Совмещение интереса и к пространству, и к времени как основным онтологическим категориям урбанистического исследования позволяет исследовать городские реалии как самостоятельный феномен, с которым мы сталкиваемся, пытаюсь определить «власть» времени и пространства при формировании и отчуждении городских идентичностей. **Алексей Носков** (Санкт-Петербург) представил концепцию, согласно которой **Феномен времени в онтических контурах Санкт-Петербурга¹**, а также темпоральные границы, наряду с понятиями вечности и безвременья, отсылают нас к размышлениям о бесконечных циклических движениях и конечной исторической временности в пространстве конкретного города. В его исследовании использована философская методология анализа эволюции понимания сущности времени в философии природы, герменевтический и феноменологический подходы. Также раскрываются инварианты понимания указанного феномена в событии (Ereignis) и присутствии архитектурных объектов города. В докладе был использован иллюстративный материал для понимания временных границ на частных примерах явлений городской среды Санкт-Петербурга, трактуемых на основании феномена памяти и риторического толкования. Особенностью доклада стало то, что автор исходил из онтологического понимания времени, а обращался к пространству города, взятому в его фактичности. В

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

данном случае конкретные места – храмы, скульптуры и туристические достопримечательности иллюстрировали фундаментальные рассуждения о времени, в особенности мысли Аристотеля и Хайдеггера. Такой подход оказался удачным способом направить возникшее обсуждение – участники круглого стола в ходе состоявшейся дискуссии стали приводить собственные примеры особых темпоральных режимов и практик, связанных с городскими топосами.

Появление множественного подхода в анализе форм современной жизни [2] придало исследованиям идентичностей новый импульс: акцент сместился на изучение степени дифференциации видов деятельности, территории и «пространства для...» и т.д. При таком взгляде, микроуровнем городского пространства может считаться архитектура и урбанистика, а макроуровнем – пространственные стратегии. Городское сообщество не только «расползается», но и локализует личность в городской жизни, что предположительно нивелирует представление о городской среде как о носителе и наследнике культурно-идентификационных связей между жителями города и между носителями культурной (социальной) памяти (поколениями), его населяющими. В связи с этим мы пригласили **Антонину Пучковскую** (кандидат культурологии, старший преподаватель Университета ИТМО, директор международной научной лаборатории Цифровых гуманитарных исследований) рассказать о новом проекте **«Визуализации культурообразующих топонимов Санкт-Петербургского на основе корпусного анализа историко-культурологических источников»**.

Проект, который представила А. Пучковская, нацелен на создание интерактивной онлайн платформы на базе open-source программного обеспечения, содержащей историко-культурные метаданные ключевых топонимов Санкт-Петербурга. Цель проекта заключается в систематизации неструктурированного гуманитарного знания (больших данных) для создания образовательно-просветительской интерактивной онлайн-платформы и мобильного приложения. Планируемые результаты будут состоять в следующем: формирование систематизированного и структурированного массива данных о ключевых культурообразующих объектах Санкт-Петербурга; анализ коммуникативной составляющей представленного материала и формулировка принципов его дискурсивного представления для достижения максимального коммуникативного воздействия на целевую (англоязычную) аудиторию; создание веб-версии интерактивной платформы; создание мобильного приложения (для Android и iOS) для синхронизации геолокации пользователя с собранной библиотекой исторических справок. Более того, как показало обсуждение, работа с большими данными может помочь не только для подготовки проектов из сферы digital, но и быть полезной для рассмотрения общих проблем, касающихся зон культурного отчуждения городской среды. В частности,

А. Пучковская, отвечая на вопрос о наличии таких зон на виртуальной карте Санкт-Петербурга, указала на то, что «слепыми» местами в историческом центре оказываются бывшие заводские районы, которые даже при наличии значительного массива учитываемой компьютерными программами информации остаются скорее зонами умолчания.

Пространственные и временные особенности городов очевидно имеют не только самостоятельное значение, но имеют такие свои проявления, которые определяют современные практики, связанные с проблемами зонирования общего поля взаимодействия. В докладе **Валерия Беляева (СПбГУ) «Практики политического зонирования в современном городском ландшафте»**¹ такое зонирование концептуализируется в качестве дисциплинарной, в смысле Мишеля Фуко, практики разделения городской среды. Будучи общественным пространством, расчерченная властными инстанциями городская среда становится местом, как писал Жак Рансьер, особого конфликта «по поводу существования общей сцены, существования и качеств тех, кто на ней присутствует» [8. С. 52] – политикой. Политика, понятая в рансьеровском смысле как общий для политических субъектов конфликт, указывает на неоднородность городской среды (полиса). Для города естественно разделение на зоны экономического благосостояния, действительных градостроительных регламентов, а также общебытовое различие «хороших» и «плохих» мест. Кроме того, предполагается, что урбанизированное пространство включает в себя множество непохожих социальных групп, каждая часть которого будучи локализованной представляет собой отдельный кейс. Тем не менее, в контексте *политики* город, как иерархическая система, представляет собой нечто большее, чем сумма включенных в городское пространство экономий. Политическое зонирование городского пространства является воплощением инаковости, конструируемой посредством отрицания коммуникативных рамок, на чем строятся также различные идеологические нарративы и практики.

В докладе были рассмотрены примеры политического зонирования городского ландшафта. Среди них: проекты преобразования посткоммунистического Берлина, а также идеи «безопасных мест» (safe places), предлагаемые в публичной политической жизни США в связи с рядом произошедших преступлений от «эпидемии насилия» в американских университетах и до массовых стрельб в школах. Приведенные докладчиком иллюстрации указывают на то, что даже

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

эмансипационные проекты, направленные на создание эгалитарных пространств, зачастую реализуются в виде дисциплинарных практик городского зонирования, которые предписывают «желательное» поведение политических субъектов. Такие практики служат не для обнаружения общего конфликта, но для создания удобного для власти консенсуса, тем самым, инаковость и разнообразие городских идентичностей не столько поддерживаются, сколько устраняются. Таким образом, «политика идентичности», оторванная от конфликта, угрожающе стремится к своей противоположности – «полиции идентичности», регулирующей степень и меру проявления инаковости необходимую для поддержания властного порядка.

Тему конструктивного потенциала (не)художественного творчества для создания новых городских сред продолжил **Валерий Савчук** (д.ф.н., профессор СПбГУ, руководитель Центра Медиафилософии). В своих рассуждениях о **Резонах преодоления культурного отчуждения в мегаполисе** акцентировал внимание на факторах, способствующих преодолению отчуждения жителей города от городской среды, городской урбанистической политики от природного контекста. Докладчик разделил такие факторы на осознанные – предмет рефлексивных усилий урбанистов, культурных и социальных антропологов, визуальных экологов и неосознанные – граффитисты, художники, работающие в сфере стрит-арта и паблик-арта. К ним можно добавить стихийную активность по улучшению городского пространства в самом близком его проявлении – двор, газон перед домом, площадка. Если художественные граффити и произведения стрит-арта получили признание (Бэнкси), то стихийные проекты «не-художников» сопротивляющиеся промышленному домостроительству, порождающему гомогенные и агрессивные городские визуальные пространства, стали точкой отсчета для поиска форм преодоления отчуждения городского пространства. Особое внимание докладчик обратил на саму возможность преодоления отчуждения от городского пространства. Савчук привел в пример процесс складывания богемных районов и мест обитания интеллектуалов, подобных берлинскому Кройцбергу. Автор указал на то, что несмотря на то, что в Санкт-Петербурге подобных пространств, как кажется, не возникло, они все же существуют, но как идеальный образ и предмет рефлексии богемы, а также виртуальный продукт нерелексивных, «нишевых» городских практик.

Состоявшееся после выступления обсуждение выявило невозможность искусственного построения свободных городских пространств, а также неустойчивость подобных сред. Богемные районы и кварталы интеллектуалов не так часто претерпевают прямое насилие со стороны власти или отчуждение от градостроительной политики, гораздо чаще они

становятся объектами моды и буржуазного вкуса – вписываются в иные городские режимы существования и отчуждаются от себя самих.

Проблематизация городской идентичности, как правило, методологически исходит из существующего многообразия культурного, гендерного, поколенческого и т. д., но что, если можно помыслить идентичность в ее фундаментальном отсутствии? Этот ракурс оказался представлен в докладе **Наталии Позняк** (Коллегиум Полоникум, Польша) «**”Минск – это имя для пустоты”**: миф о белорусском городе в прозе Альгерда Бахаревича»¹. Обращение к теме города в белорусской литературе подразумевает выход за узкие рамки литературоведения. Анализ текстов о городе невозможен без обращения к истории и архитектуре конкретного места. Вопросы урбанистики и идеологии часто оказываются напрямую связаны со стратегиями освоения городского пространства, а также способами идентификации писателя со средой.

Собственный столичный статус Минск приобретает только в 1919 году, а уже в 1940-е годы город оказался почти полностью разрушенным в ходе бомбардировок. В связи с этими историческими обстоятельствами после войны встал вопрос о новом статусе Минска, и белорусскую столицу было решено выстраивать заново как образцовый социалистический город, однако уже во второй половине 1980-х годов начинается процесс крушения советского проекта. В это же время появляются первые литературные тексты, в которых содержалось осмысление Минска в качестве пространства не имеющего собственной устойчивой идентичности, город стал описываться при помощи образов пустоты и недосказанности. Апофеозом этой литературной традиции докладчик называет творчество Альгерда Бахаревича, проза и эссе которого не просто подчеркивают периферийность и пустую фасадность белорусской столицы, но постулируют отсутствие городской идентичности в качестве главной идентитарной черты Минска. Так, например, невзрачный спальный район Шабаны предстает, с одной стороны, как символ подобных мест во всем мире, с другой, эта серость и пустота демонстрируются предельно, как характерные для конкретного пространства образцы, и становятся отличительными чертами минской городской среды. Эта двойственность минской пустоты оказывается продуктом длительного культурного отчуждения, но также ресурсом для его преодоления в условиях невозможности нахождения собственной идентичности ни в националистическом мифе, ни в советском или имперском прошлом.

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

Доклад **Дмитрия Каунова** (аспирант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) «**Старообрядческий Боровск**»: актуализация памяти о старообрядцах в г. Боровске Калужской области посредством музейно-краеведческой деятельности был посвящен историческому описанию старообрядческого городского сообщества. Притесняемые сперва царской, а затем советской администрацией, старообрядцы стремились к созданию собственных городских пространств. Автор анализирует историю крупного старообрядческого центра – города Боровска, который во второй половине XVII в. оказался в центре событий, связанных с церковным расколом. Сюда были сосланы протопоп Аввакум и его сподвижницы – сестры боярыня Ф.П. Морозова и княгиня Е.П. Урусова. Ныне в облике Боровска о его старообрядческом прошлом напоминают дома купцов и промышленников старообрядческого происхождения, а также три старообрядческих храма. Наиболее значительная политика по восстановлению старообрядческого городского наследия проводится музейными и краеведческими организациями, которые занимаются не только просветительской деятельностью, но и работают с памятью горожан о собственном семейном, религиозном и городском прошлом. Таким образом, та идентичность, которая веками вытеснялась и отчуждалась, но являлась ключевой для города, в наши дни вновь начинает актуализироваться.

Дарья Колесникова, (к.ф.н., научный сотрудник Центра медиафилософии СПбГУ, магистрант факультета медиа Баухаус университета, г. Веймар) представила свой доклад «**Отчуждение загрязнением. Паразитарные стратегии в городской среде**»¹.

В ее докладе анализируются практики присвоения пространства через акты экспансивного загрязнения. Город рассматривается как социальный организм, носитель образов и пространство коммуникации, в котором субъекты, объекты и процессы функционируют по принципу паразитического обмена, формируя свою защитную среду, *milieu* – продукты жизнедеятельности которой (символические и материальные отходы), конституируют окружающую среду, маркируют границы обитания и правообладания. Через метафору паразита – отходы анализируются как знаки, метки, медиа и лиминальные субстанции.

Мусор и отходы прорываются в центр внимания, бросая вызов онтологическим границам, они начинают характеризовать нашу

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

идентичность. Роль мусора амбивалентна – это и знак крайней степени обесценивания, и потенциальный ресурс. Оба эти значения соединяет в себе медиальная фигура *паразита* [16]. Концептуализация этой метафоры и обращение к темам загрязнения и отбрасывания позволяет по-новому рассмотреть субверсивные практики: архитектурные (проект паразитарного строительства в Нидерландах) и повседневные, нишевые процессы, связанные со стратегиями «экскрементального» присвоения пространства и имущества. Опираясь на теорию квази-объектов Мишеля Серра, автор указала на возможность утверждения телесных аффектаций в качестве первичного способа утверждения собственной идентичности (паразитарными) городскими субъектами. Такие аффектации, преобразуя отдельные места и вещи городской среды в мусор, трансформируют недифференцированные объекты в личные и особенные.

Некоторые исследователи разделяют всю совокупность идентичностей на естественные, не требующие организованного участия по их воспроизводству, и искусственные, постоянно нуждающиеся в организованном поддержании. К первым относятся территориальные (ландшафтные) идентичности, а также этнические и расовые (общемировые, видовые). Ко второй категории относятся идентичности «договорные» (национальные, профессиональные, конфессиональные, региональные, сословные, классовые, групповые, стратификационные, субкультуральные). Отдельные идентичности носят смешанный характер, например, гендерные.

Субкультуральные связи городских идентичностей и урбанизированной среды проанализировал **Алексей Царев** (Институт философии СПбГУ) в докладе **«Городское пространство в российском хип-хопе: от культурного гетто к оригинальной топике»**. В российском хип-хопе сложились определенные способы осмысления городского пространства. Автор предпринял попытку рассмотреть, как рэперы и хип-хоп музыканты по-разному проблематизируют пространственное устройство российских городов. В докладе было описано каким образом российский хип-хоп подрывает городскую топографическую иерархию, принимая общее для хип-хопа критико-продуктивное отношение к обживаемому пространству, а также начинает производить специфические, локальные режимы спатIALIZации урбанистического пространства.

«Мода как инструмент коммуникации в современной городской среде» была представлена в выступлении **Юлии Мальцевой** (к.ф.н.,

Институт философии СПбГУ)¹. Урбанизм как стиль жизни целого общества может и должен быть рассмотрен как сумма коммуникативных кодов либо сумма регистров одного и того же кода, обеспеченного атрибутами передачи того или иного сообщения. Мода является, вероятно, таким регистром, да и безусловным модусом городского существования, по умолчанию выступая инструментом коммуникации, причем коммуникации сложной, обеспечивающей не столько движение и обращение смыслов, сколько принудительный аспект включенности в нее, в качестве последствий принуждающий и к современным социальным практикам, и к формированию качественно новой аберрации сознания. В условиях современного города мода является один из наиболее универсальных средств коммуникации как внутри городской среды, так и коммуникации человека с самой городской средой. В отличие от проблематики костюма, сложившейся в доиндустриальный и допостиндустриальный периоды, способы коммуникации и транслируемые модой смыслы значительно усложнились, выражая не столько коммерчески выгодную «индивидуальность», сколько способы освоения человеком городского пространства в сценографическом и постбиологическом смысле: в постиндустриальном обществе «выйти в город» значит совершить сценически обставленную попытку присвоить его себе.

С ростом городов как самозамкнутых коммуникативных систем с безотчетно считаваемым модным модусом существования (действительно, модный модус существования различен не только в Багдаде по сравнению с Нью-Йорком, но даже в Париже по сравнению с Санкт-Петербургом, в Санкт-Петербурге по сравнению с Москвой и т.д.) становится еще более ясна его властность и безусловность, поскольку вписываться в местный городской коммуникативный код необходимо из-за невротической погони за собственной темпоральностью и страха оказаться в коммуникативной изоляции. Таким образом, не рискуя выступать психически девиантным, горожанин принужден следовать моде. Разворачивается глубокая модификация культурной и социальной среды обитания человека, и одновременно трансформируется пространство внутри городов. Трансформируется оно, конечно, в направлении размывания пограничных зон, которое свидетельствует не столько о признании модой альтернативных способов носить одежду, но о культурной апроприации модным кодом прежде нейтральных пространств. В этом отношении

¹ Статья автора, развивающая тезисы доклада, публикуется на следующих страницах нашего тематического блока данного выпуска журнала.

интересен феномен «casual luxe», существующий не менее десяти лет: предметы одежды ежедневной носки, выполненные из дорогих, но “практичных” материалов, в то же время отстоящие от роскоши в привычном нам виде (меха, драгоценные металлы). Еще более показателен пример «athleisure» – псевдоспортивного стиля, для которого характерно использование одежды «для атлетов» из супертехнологичных материалов, выполненных с привлечением дизайнеров, вне гимнастического зала – на городских улицах или модных вечеринках.

Прошедший Круглый стол, посвященный проблемам идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды, явно демонстрирует тяготение исследователей к двум важнейшим аспектам формирования городской идентичности: пространственному и временному. С одной стороны, докладчики обращались к вопросам идентичности городского пространства и его топографической иерархии, зонам открытости, динамики и статики, отчуждения¹. С другой, столь же четко проявился исследовательский интерес к проблемам культурного сознания горожан и спектра их идентитарных возможностей, поддерживающегося культурной памятью, рассматриваемой в ее темпоральной динамике: исторической, поколенческой, онтологической.² Также были прочитаны доклады, которые сочетали в себе как рассуждения об особенностях урбанистического пространства, так и размышления о роли культурной памяти в формировании городской идентичности, тем самым, подчеркивая взаимную обусловленность топологического и темпорального механизмов формирования городских идентичностей³. Разумеется, подобное тематическое деление довольно условно, более того, докладчики ходе работы и обсуждения продемонстрировали невозможность строгого

¹ Это доклады В. Беляева «Практики политического зонирования в современном городском ландшафте», Д. Колесниковой «Отчуждение загрязнением. Паразитарные стратегии в городской среде», А. Пучковской «Визуализация культуuroобразующих топонимов Санкт-Петербурга на основе корпусного анализа историко-культурологических источников», В. Савчука «Резоны преодоления культурного отчуждения в мегаполисе», А. Царева «Городское пространство в российском хип-хопе: от культурного гетто к оригинальной топике».

² Например, доклады Д. Каунова «“Старообрядческий Боровск”: актуализация памяти о старообрядцах в г. Боровске Калужской области посредством музейно-краеведческой деятельности», А. Пирни «Место обитания поколений: право на обновление и обязанность сохранения», Э. Форнаро «Прошлое и будущее городской среды. Поля памяти и сохранение или исключение для новых поколений?»

³ Доклады Ж. Николаевой «Проблема идентичности в городской среде», Н. Сидди «Городская идентичность. Становление городской идентичности», А. Носкова «Феномен времени в оптических контурах Санкт-Петербурга».

аналитического отделения проблем городского пространства от проблем социальной памяти или рассмотрения отдельных сюжетов¹ без обращения к таким общим культур-антропологическим вопросам.

Во время Круглого стола проблемы городской идентичности были освещены в их сложности и актуальности. Как недавно заметил Рем Колхас, отвечая на вопрос о влиянии на формирование его архитектурных представлений сложившейся городской среды: «Я родился в полностью разрушенном бомбежками городе. Конечно, вы выиграете от гармонии и красоты, но, с другой стороны, это даст вам ложное ощущение общей безопасности. Возможно, любая жизнь должна быть коктейлем из тревоги, недоверия и креативности. Эти понятия тесно связаны» [4]. Участники круглого стола принимают эту неоднозначность городского пространства, а также множественность городских идентичностей в качестве отправной точки собственных исследований. Виктор Вахштайн отсылает нас к известному чикагскому исследователю городов Льюису Уирту: в городе «человек человеку антрополог. Выходя на улицу в мегаполисе, вы оказываетесь в окружении «иных» [1], мы понимаем, что другие – это то, что конституирует саму возможность наличия идентичности, делает недифференцированные пространства городами.

В финальной дискуссии все участники отметили, что на мероприятии не выступали (за исключением Николы Сидди – теоретика и практика), хотя и присутствовали, современные архитекторы и урбанисты. С целью развития позитивного диалога и формулирования практических задач для их решения в повседневности, участники договорились продолжить работу и собрать на следующий Круглый стол докладчиков-представителей профессии, и которым, мы надеемся, современная теория будет помогать справляться с бесконечными вызовами цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В. С. Идентичность города не зависит от идентичности горожан. // Archspeech. ISD Forum 2016. URL: <https://archspeech.com/article/viktor-vahshtayn-identichnost-gorodane-zavisit-ot-identichnosti-gorozhan> (дата обращения: 25.09.2018).
2. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем, 2013.
3. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3/4, 2002 (34). С. 23-34.
4. Колхас Р. Я понятия не имею, что такое город будущего. Разговор Рема Колхаса и Владимира Познера // Strelka Mag, 2018. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/ya-ponyatiya-ne-imayu-chto-takoe-gorod-budushego-razgovor-rema-kolkhasa-i-vladimira>

¹ Доклады Ю. Мальцевой «Мода как инструмент коммуникации в современной городской среде» и Н. Позняк «“Минск – это имя для пустоты...”»: миф о белорусском городе в прозе Альгерда Бахаревича.

- poznera?utm_source=Strelka+Magazine&utm_campaign=215cc4d0f0-EMAIL_CAMPAIGN_2018_07_27_09_43&utm_medium=email&utm_term=0_5ed5c6884a-215cc4d0f0-80275009. (дата обращения: 25.09.2018)
5. Левинас Э. Тотальность и бесконечное. М.; СПб: Университетская книга, 2000. 416 с.
 6. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
 7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижез, М. Винок. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17-50.
 8. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб: Machina, 2013. 192 с.
 9. Форти А. Объекты желания. Дизайн и общество 1750 года. М.: Издательство Студии Артемия Лебедева, 2013.
 10. Хачатуров А. Интервью с Гасаном Гусейновым «Что означает для нас сейчас римская цивилизация» // Colta. 28/09/2018. URL: <https://www.colta.ru/articles/mostly/19271> (дата обращения: 20.10.2018).
 11. Abel C. Architecture and Identity. Oxford: Architectural Press, 1997.
 12. Baudrillard J., Nouvel J. Les objets singuliers. Architecture et philosophy. Paris: Calmann-Lévy, 2000.
 13. Floridi L. The 4TH Revolution, Oxford University Press, 2014.
 14. Heidegger M. Bauen Wohnen Denken // Id. Vortrage und Aufsätze. 5. Aufl. Pfüklingen, 1985. S. 139-156
 15. Nikolaeva Zh, Troitskiy S. An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. // Rivista di Estetica. n.s. N. 67, 2018, anno LVIII, Pp. 3-19.
 16. Serres M. Le Parasite. Grasset: Fayard, 1980.

TRANSLIT

1. Vahshtain V. S. Identichnost' goroda ne zavisit ot identichnosti gorozhan // Internet-izdanie Archspeech. ISD Forum 2016. URL: <https://archspeech.com/article/viktor-vahshtayn-identichnost-goroda-ne-zavisit-ot-identichnosti-gorozhan> (data obrashcheniya: 25.09.2018)
2. Vimo P. Grammatika mnozhestv: k analizu form sovremennoy zhizni. – М.: Ad Marginem, 2013.
3. Zimmel G. Bolschie goroda i duhovnaja zhizn' // Logos. № 3/4, 2002 (34). S. 23-34.
4. Kolhas. R. Ja ponjatija ne imeju, chto takoe gorod budushego. Razgovor Rema Kolhasa I Vladimira Poznera // Strelka Mag, 2018. URL: https://strelkamag.com/ru/article/ya-ponyatiya-ne-imeyu-chto-takoe-gorod-budushego-razgovor-rem-kolhasa-i-vladimira-poznera?utm_source=Strelka+Magazine&utm_campaign=215cc4d0f0-EMAIL_CAMPAIGN_2018_07_27_09_43&utm_medium=email&utm_term=0_5ed5c6884a-215cc4d0f0-80275009. (data obrashcheniya: 25.09.2018).
5. Levinas E. Totalnost' i beskonechnoe. М.; SPb: Universitetskaja kniga, 2000. – 416 s.
6. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva. М.: Strelka Press, 2015. – 432 s.
7. Nora P. Problematika mest pamjati // Frantsija-pamjat' / Pod red. P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok. SPb: Izd-vo Sankt-peterburgskogo un-ta, 1999. S. 17-50.
8. Ransier Zh. Nesoglasie: Politika I filosofija. SPb: Machina, 2013. 192 s.
9. Forty A. Objects of Desire: Design and Society Since 1750. М.: Published in Russian by the Art. Lebedev Studio, 2013.
10. Hachaturov A. Intervju s Gasanom Guseinovym «Chto oznachaet dlja nas seichas pimskaja tsivilizatsija» // Colta. 28/09/2018. URL: <https://www.colta.ru/articles/mostly/19271> (data obrashcheniya: 20.10.2018).
11. Abel C. Architecture and Identity. - Oxford: Architectural Press, 1997.
12. Baudrillard J., Nouvel J. Les objets singuliers. Architecture et philosophy. - Paris: Calmann-Lévy, 2000.
13. Floridi L, The 4TH Revolution, Oxford University Press, 2014.
14. Heidegger M. Bauen Wohnen Denken // Id. Vortrage und Aufsätze. 5. - Aufl. Pfüklingen, 1985. S. 139-156
15. Nikolaeva Zh, Troitskiy S. An Introduction to Russian and International Studies of Cultural Exclusion Zones. An Analytical Overview of Recent Concepts. // Rivista di Estetica. n.s. N. 67, 2018, anno LVIII, Pp. 3-19.
16. Serres M. Le Parasite. Grasset: Fayard, 1980.